

и старой и новой магии. Хорошим тому примером может служить «Слово о полку Игореве», где старые божества помянуты лишь как стильная прикраса, а новое — как топографическое указание. О христианстве в этом памятнике кон. XII в. нет и помину, наоборот, — он весь состоит из недозволенных элементов, звуча военной песней, полный отрицаемым реализмом, что позволяет видеть в нем выступление против книжной магии последнего образца.

Если не предаваться манере расслабленных эстетических «этюдов», в которых до последнего времени «Слово о полку» как бы перебирается руками читательниц Лермонтовской «Сказки для детей», а взглянуться в него поглубже, то протест против новой идеологии и ее форм со стороны среды, создавшей этот памятник, объявится во всех его сторонах. «Слово о полку» — архаично, стиль его от родового строя, от уклада военных бродяг, еще не вполне осевших на местах новой территории. «Слово» все еще вспоминает золотое время Мономаха и жалеет, что нельзя навек остановить это время. Оно плачет даже над неудачниками той поры, вроде Ростислава. Сравнение «Слова» с другими военными повестями показывает, насколько оно одиноко в стиле. Эти другие повести писаны не «песнотворцами» бродячих родовых отрядов, а грамотеями канцелярий, вполне феодализованными выучениками новой клерикальной школы. Борьба повествовательных стилей, обнаруживаемая данным сопоставлением, показывает социальную борьбу отдельных групп внутри господствующего слоя, выраженную в книге.

Нам не раз приходилось обращать внимание аудитории на разницу подхода разных общественных групп к одному и тому же факту, попадающему в книгу. В походе против половцев случайно утонул молодой брат Мономаха Ростислав. «Песнотворец» «Слова о полку» заставляет содрогаться всю природу от гибели прекрасного юноши и винит в ней реку. Технически осведомленный летописец княжеской канцелярии, описывая поход шаг за шагом, ставит гибель Ростислава в зависимость от трудностей предприятия. Агиограф Печерского монастыря изображает бесчинство военного отряда молодежи, во главе с Ростиславом, над встретившимся монахом, и объясняет гибель всего отряда, как божественное возмездие за смерть «святого» инока, последовавшее по предсказанию последнего (Поликarp о Григории).

Вот, в силу социальной борьбы между светским и духовным слоями феодальной верхушки, борьбы, между и внутри этих слоев, при певме-